

RU

Предикторы рабочего протеста в СССР
в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.:
воспринимаемая несправедливость и связанные с ней эмоции
(на материалах Нижневолжского региона)

Тюрин А. О.

Аннотация. Цель исследования состоит в изучении потенциала рабочего протеста в условиях социального кризиса в Нижневолжском регионе в конце 1920-х - первой половине 1930-х гг. Научная новизна заключается в отсутствии в региональной историографии подобных исторических исследований по данной проблеме, а также во введении в научный оборот ряда архивных документов. В данной статье рассмотрен только один из предикторов протестного поведения, а именно предиктор воспринимаемой несправедливости и связанные с этим эмоции. Результат его анализа показал высокую степень готовности рабочих к коллективным протестным действиям.

EN

Predictors of Workers' Protest in the USSR
at the End of the 1920s – the Beginning of the 1930s:
Perceived Injustice and Related Emotions
(by the Materials of the Lower Volga Region)

Tyurin A. O.

Abstract. The paper aims to reveal the potential of workers' protest under social crisis in the Lower Volga region at the end of the 1920s - the beginning of the 1930s. For the first time in regional historiography, the author analyzes the causes of workers' protest in the mentioned period, introduces into scientific circulation previously unpublished archival documents, and herein lies scientific originality of the study. The article examines only one predictor of protest behaviour, namely, the predictor of perceived injustice and related emotions. The analysis results indicate workers' readiness for protest actions.

Введение

Актуальность исследования обусловлена достаточно высоким вниманием к изучению протестного поведения разных социальных групп в гуманитарной сфере. Происходившие в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. кардинальные изменения общественных отношений сопровождались резким падением уровня жизни всего советского населения. В своих политических декларациях государственная власть из всех существовавших социальных групп выделяла пролетариат как социально-политическую опору государства и основу для построения социалистического общества. Однако, несмотря на подобную привилегированность положения, протест охватил и этот социальный слой. Социальный кризис, сопровождавшийся голодом, постоянными задержками выплаты заработной платы и принудительными заемными кампаниями, поставил население страны, в том числе пролетариат, на грань выживания. Кажется логичным, что сложившаяся ситуация вынуждала рабочих активно отстаивать свои интересы при помощи коллективных протестных действий, а итогом мог бы стать социальный взрыв и свержение существующей власти. Однако государственная система оказалась устойчивой и на протяжении всех 1930-х гг. продолжала осуществлять индустриализацию во многом за счет внутренних ресурсов. В связи с этим возникает вопрос, почему коллективные протестные действия наиболее активной социальной группы советского общества, каким считали пролетариат, не привели к кардинальным изменениям или трансформации не то чтобы формы правления государства или социально-экономической политики, но уровня жизни самих рабочих. Эту многоаспектную проблему, затрагивающую

социальные, экономические, политические и психологические факторы, мы постараемся рассмотреть изнутри развития рабочего протеста посредством анализа предикторов коллективных протестных действий (протестного поведения). Е. Р. Агадулина и А. В. Ловаков (2013) подчеркивают, что авторы (изучающие коллективные действия, в том числе и протестные. – А. Т.) рассматривают три основных предиктора коллективных действий: воспринимаемая несправедливость и связанные с ней эмоции, социальная идентичность и самооффективность (с. 131-132).

Для реализации цели потребовалось решить следующие задачи:

- рассмотреть причины протестного поведения;
- проанализировать предикторы коллективных протестных действий;
- определить влияние предикторов на выбор нормативных и ненормативных действий.

В данной статье мы рассмотрим причины протестного поведения и проанализируем первый предиктор коллективных действий – воспринимаемую несправедливость, а также связанные с ней эмоции. К тому же, переживание чувства несправедливости является одним из основных предикторов протестного поведения (Агадулина, Ловаков, 2013, с. 132).

Междисциплинарный подход позволил нам рассмотреть формирование и степень выраженности протестного поведения рабочих через предикторы коллективных протестных действий. При изучении этих предикторов применяются историко-типологический, историко-сравнительный и историко-генетический методы исследования.

Теоретическая база исследования представляет собой научные труды отечественных историков, изучавших различные аспекты проблемы рабочего протеста. Стоит отметить, что в советской историографии тема рабочего протеста изучалась достаточно активно, однако научные работы в основном затрагивали период до 1917 г. Отдельных работ по протестным движениям пролетариата после 1917 г. в советской историографии не было. Получив доступ к ранее закрытым фондам архивов в 1990-е гг., современные исследователи стали изучать тему рабочего протеста в СССР разных хронологических периодов. Во второй половине 1990-х гг. вышла коллективная монография «Трудовые конфликты в Советской России 1918-1929 гг.» (Трудовые конфликты..., 1998), в которой содержится фактический материал по данной теме. В монографии С. В. Ярова (1997) также затрагивается проблема рабочего протеста в Петрограде в 1917-1921 гг. В начале 2000-х гг. количество опубликованных исследований увеличилось. В работах Л. В. Борисовой (2006), С. В. Богданова (2008), И. Н. Камардина (2013), С. А. Красильникова (2017), И. В. Шильниковой (2016), Д. О. Чуракова (2007) рассматриваются и анализируются причины, формы, динамика и итоги протестных выступлений рабочих, начиная с 1918 г. и заканчивая 1950-ми гг.

Многие из этих исследователей в качестве источника использовали рассекреченные сведения из Центрального архива ФСБ РФ, которые были опубликованы в многотомном издании «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.)» («Совершенно секретно»..., 2002-2013). Если данные о забастовках и других протестных акциях за 1918-1920-е гг. упоминались и рассматривались как в сведениях органов государственной безопасности, так и в материалах советских и партийных организаций, а иногда в газетах, то в 1930-е гг. основной массив информации по протестам аккумулировался в информационных сводках ОГПУ и НКВД. Стоит отметить, что 12 августа 1930 г. вышла секретная «Краткая инструкция – перечень об охране гостайн в печати», согласно которой не разрешалось оглашать в печати сведения о забастовках, массовых антисоветских манифестациях, а также о беспорядках и волнениях в домах заключения и концентрационных лагерях (Солдатенков, 1996, с. 57). С этого момента негативные высказывания в адрес местных органов власти, профессиональных организаций, представителей коммунистической партии, «антисоветские проявления и агитация», случаи распространения листовок и проведения забастовок, а также в целом политическое настроение советского населения фиксировались в обзорах сотрудниками госбезопасности. Поэтому их сведения на сегодняшний день остаются основным источником по изучению рабочего протеста.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные материалы могут быть использованы в процессе преподавания исторических дисциплин в образовательной сфере, а также востребованы историками, изучающими тему рабочего протеста.

Основная часть

Как было сказано выше, в информационных сводках и обзорах органов государственной безопасности давались характеристики конкретных проблем, которые, с точки зрения рабочих, требовали скорейшего решения, так как их неразрешенность способствовала постоянному «переживанию чувства несправедливости» у пролетариата, а вместе с этим являлись причинами протеста. Обзоры «Политико-экономического состояния Нижне-Волжского края» с августа 1928 по май 1929 г. (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 60, д. 61, д. 62, д. 82), «Политического состояния Астраханского округа за январь-март 1929 г.» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 74), информационные сводки «О моральном, политическом и социальном состоянии астраханского общества» за 1929 г. (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 89) и другие документы констатировали, что рабочие в первую очередь были не удовлетворены решением социальных вопросов. Сложившуюся ситуацию в сферах снабжения и торговли, заработной платы (в 1928-1929 гг. проводились так называемые «колдоговорные кампании»), решения жилищной проблемы, образования и здравоохранения и некоторых других представители пролетариата считали несправедливой. Астраханский рабочий ремонтных мастерских им. III Интернационала возмущался тем, что уже одиннадцать лет «строят», а жизнь рабочего не улучшается, и общий уровень жизни рабочих падал,

материальные условия становились все более тяжелыми (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 74, л. 57). Другой рабочий из Астрахани его поддержал, полагая, что «с германской войны пролетариат завоевал себе права, завоевал Советскую власть и что же нам досталось? Не дали нам ничего. Мы, рабочие, живем в самых худших условиях» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 74, л. 6).

Переживание чувства несправедливости базируется на социальном сравнении и восприятии относительной депривации экономических, социальных и политических благ у индивидов и групп (Агадулина, Ловаков, 2013, с. 132). Согласно концепции относительной депривации (С. Стауффер, М. Мертон, В. Руинсиман), под депривацией понимается субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему. Ощущение недовольства, расхождение между потребностями и возможностями их удовлетворения ведет к стрессу, агрессии, протестным ориентациям личности, а отсюда и к появлению протестных движений (Деменьтева, 2013, с. 8). Были ли перечисленные характеристики присущи пролетариату в рассматриваемый хронологический период? Да. Как свидетельствуют сводки ОГПУ, многие рабочие были недовольны своим настоящим положением, особенно в области снабжения продовольствием и оплаты труда, так как именно политика в этих сферах отвечала за удовлетворение первичных потребностей.

Воспринимаемая несправедливость и депривация формируют причины коллективных протестных действий. В своем исследовании И. В. Шильникова (2016) отмечает, что основной причиной забастовок во всех отраслях промышленности являлось недовольство различными аспектами оплаты труда, а также обеспечение продовольствием. Доля забастовок в 1928 г., причиной которых стало недовольство оплатой труда по всем отраслям промышленности, насчитывала 77%, в 1929 г. – 67,6% (с. 85, 87).

Аналогичная ситуация наблюдалась в Нижневолжском регионе. В 1928 г. рабочие завода «Красный октябрь» (Сталинград) в ходе общего собрания заявили, что им необходимо увеличение зарплаты, так как рынок с ними не считался, а продукты дорожали не по дням, а по часам, и оставаться на старом заработке было невозможно. Другой пролетарий полагал, что в 1925-26 гг. рабочие жили лучше, чем теперь. Продукты были дешевле, «а теперь же год от года жизнь становится труднее» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 61, л. 3 об.). Общее настроение пролетариата в области оплаты труда выразили рабочие лесозавода Ерманского района (Сталинград), которые утверждали, что они «как были рабами, так и остались» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 60, л. 26).

В октябрь 1928 г. по Нижневолжскому краю было отмечено 4 забастовки, самой крупной из которых была забастовка возчиков на лесозаводе № 8 (Красноармейск) с требованием увеличения оплаты. Забастовало 100 человек. Забастовка продолжалась 3 дня (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 61, л. 3). 1 октября 1930 г. на промысле артели «Оборот» (Астрахань) группа рабочих в количестве 8 человек по причине невыдачи зарплаты бросила работу по выгрузке рыбы. 21 октября 1930 г. на лесозаводе № 6 (Астрахань) в связи с невыплатой зарплаты на работу не явилось 12 человек (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 110, л. 356). 27 октября 1930 г. на Лесозаводе ВКЛ № 5 (Астрахань) рабочие в количестве 27 человек прекратили работу ввиду невыдачи зарплаты, премиального вознаграждения и спецодежды (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 110, л. 314).

В Астрахани на общем собрании рабочий-кровельщик возмущался ситуацией в сфере снабжения продовольствием – тем, что уже «одиннадцать лет прожили после империалистической войны, а до сего времени не можем досыта есть», и что власть говорит, что «мы переросли довоенный уровень, а наши семьи голодают» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 74, л. 91). Другой рабочий из Астрахани заявил о том, что всегда говорят о власти, принадлежащей рабочим, «а рабочие живут впроголодь и ни от кого не могут добиться, кто виноват, что нет хлеба» (ГААО, ф. р. 6, оп. 2, д. 175, л. 136). В 1932 г. в спецсводке ОГПУ (Астрахань) отмечалось, что в силу отбора карточек у членов семей рабочих, которые строят слип, они бросили работу в два часа дня, а на следующий день не вышли на работу. По этой же причине самовольно покинули работу возчики земляного цеха, а артель в количестве 48 человек вышла на работу, но не работала. На заводе им. III Интернационала 136 женщин бросили работу, так как им отказали в выдаче хлебных карточек. Когда карточки выдали, они работу продолжили (ГААО, ф. п. 20, оп. 1, д. 25, л. 77-78, 515).

У большинства людей существует представление о том, что все имеют право на равные условия существования, и любое неравенство они воспринимают как несправедливость (Агадулина, Ловаков, 2013, с. 132). В своих официальных выступлениях на разных собраниях и в частных разговорах друг с другом рабочие часто подчеркивали взаимосвязь своего социального статуса с несправедливым отношением. В 1929 г. на отчетно-перевыборном собрании в Астрахани промысловый рабочий полагал, что неудовлетворительное положение в обеспечении рабочих жильем сложилось из-за того, что «в коммунальных домах живут спецставочники и торговцы, а рабочие в подвалах по-прежнему наживают туберкулез» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 74, л. 7). Другой рабочий соглашался с ним, также акцентируя внимание депутатов на высоком уровне квартплаты и большом количестве нэпманов в коммунальных домах. При этом он подчеркивал, что те дома, где живут рабочие, «если не развалятся сейчас, то развалятся завтра» (ГААО, ф. р. 6, оп. 2, д. 175, л. 86, 123). Рабочий Астраханских холодильников заявил, что «не может обучать своих детей в школе ввиду высокой платы, а дети нэпманов учатся» (ГААО, ф. р. 6, оп. 2, д. 175, л. 136). Его поддержал рабочий Болдинских промыслов, утверждая, что «бывшие сынки рыбопромышленников учатся в вузах» (ГААО, ф. п. 12, оп. 1, д. 29, л. 204). Работница 1-го коммунального комбината в Астрахани эмоционально высказалась: «В больнице на Паробичевом бугре я не смогла определить сноху-роженицу в отделение. Я требую обратить на это серьезное внимание и подозреваю, что за другими бы ухаживали, а то ведь я рабочая» (ГААО, ф. р. 6, оп. 1, д. 187, л. 132).

Многие рабочие считали несправедливым снижение реальной заработной платы при ее одновременном увеличении у инженерно-технического персонала («специалистов», или «спецов»), у административных

сотрудников и руководства предприятий, чаще всего являющихся членами коммунистической партии. В обзоре «О политико-экономическом состоянии Нижне-Волжского края за октябрь 1928 г.» отмечалось, что на заводе «Красный Октябрь» (Сталинград) положение особенно обострилось, потому что по вновь введенному тарифу заработок рабочих снизился на 15%. Многие считали, что своей политикой заработной платы Советская власть сеет рознь. В отдельных случаях недовольство низким уровнем заработной платы переросло в открытую неприязнь по отношению к «много получающим и ничего не делающим спецам и коммунистам». На заводе «Большевик» (Вольск) бутоломы полагали, что их «запрягают как быков на трудную работу, а платят мало, а коммунисты и спецы ничего не делают да много зарабатывают» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 61, л. 1). Рабочий-металлист завода «Красный Октябрь» (Сталинград) говорил о том, что «с каждым годом зарплату стараются снизить, а норму выработки увеличить, и за счет рабочих советская власть улучшает только жизнь специалистов». С ним соглашался другой пролетарий, который считал, что «при теперешних порядках живут только специалисты, которым соввласть платит по 400-600 рублей, плюс бесплатные квартиры. Нашему же брату – рабочему, при жаловании в 40-60 рублей – не жизнь, а горе» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 62, л. 3).

Несправедливая ситуация с точки зрения пролетариата была в сфере снабжения продовольствием. Рабочий в очереди за хлебом на рынке Малые Исады (Астрахань) возмущался, что «у коммунистов все есть, а у рабочего нет, займы давай, а хлеба нет». Многие рабочие, особенно те, кому не хватило хлеба, его поддержали и обругали площадной бранью Центральный рабочий кооператив, окружной исполком и всех коммунистов, которых «нужно прогнать, так как довольно – попили крови» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 112, л. 7). Слесарь завода им. III Интернационала (Астрахань) сказал рабочим на проходной, что коммунистов кормят диетпитанием, посылают на курорты, а беспартийных «загоняют в гроб и морят голодом» (ГААО, ф. п. 20, оп. 1, д. 29, л. 60). Рабочие мебельной фабрики в Астрахани в разговоре друг с другом отмечали, что «сахара и чая – нет, и нам, рабочим, в очередях дают по 100 грамм, а ответработники получают сколько захотят» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 74, л. 25). На заводе им. Ленина (Астрахань) механик в беседе с рабочими утверждал, что ответственные работники живут хорошо, получают приличный паек, а о рабочих совершенно не заботятся и создают тяжелые условия рабочим (ГААО, ф. п. 20, оп. 1, д. 29, л. 58).

Ряд проведенных исследований показывает, что люди с большей готовностью участвуют в протестных действиях, если считают кого-то ответственным за их неблагоприятное положение, потому что приписывание ответственности другим людям или группе приводит к простому и легкому объяснению сложных социальных явлений (Агадулина, Ловаков, 2013, с. 133). В условиях высокого огосударствления общественных отношений ответственным за проводимую политику и ее результаты становилось руководство разных уровней власти. К этому времени уже большинство административных руководителей предприятий, организаций, региональных и центральных органов власти являлись членами коммунистической партии, поэтому чаще всего ответственными за общую кризисную ситуацию рабочие считали коммунистов. В Астрахани на заводе им. К. Маркса рабочие полагали, что советская власть «ни к черту не годится, нужно перестрелять или перевешать всех коммунистов» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 82, л. 2). Плотник Судовой верфи в Астрахани, обращаясь к коллеге (члену ВКП(б)), сказал: «Вас, коммунистов, бить надо за то, что вы до сего времени не можете снабдить рабочего продуктами первой необходимости». Его поддержал другой плотник, который восклицал: «Вы со своей партией наделали делов!» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 111, л. 12). Рабочий завода им. X годовщины Октябрьской революции (Астрахань) возмущался: «Вот, что гады-коммунисты делают, да разве рабочий может жить при таком пайке?!» (ГААО, ф. п. 20, оп. 1, д. 25, л. 137).

Как отмечает Е. Р. Агадуллина (2013), «простого восприятия ситуации как несправедливости недостаточно для предсказания коллективных действий, необходимо, чтобы члены группы испытывали какие-то сильные эмоции» (с. 44). В информационных сводках и в примерах, приведенных выше, присутствует достаточно большое количество крайне эмоциональных высказываний рабочих о сложившейся ситуации. Общее негативное настроение пролетариата первой половины 1930-х гг. можно охарактеризовать выдержкой из сводки ОГПУ по астраханскому заводу им. К. Маркса. В ней отмечалось, что «на заводе полнейшая паника у начальников цехов, настроение у рабочих не советское...». Со стороны рабочих только было слышно: «передушить, перевешать всех и т.д.» (ГААО, ф. п. 20, оп. 1, д. 29, л. 143).

В качестве основных эмоций, детерминирующих коллективные действия, авторы выделяют вину, гнев, моральное негодование и презрение. Отметим, что чувство вины эффективно предсказывает только действия, направленные на улучшение положения аутгруппы, и практически не связано с действиями, направленными на изменения социального положения своей группы (ингруппы) (Агадулина, 2013, с. 44-45). Тогда как гнев, моральное негодование и презрение четко прослеживаются в многочисленных, нередко крайне эмоциональных высказываниях и суждениях рабочих.

По мнению исследователей, чувство гнева вызывает желание противостоять, противодействовать или спорить с оппонентом, который несет ответственность за предосудительные действия (Агадулина, 2013, с. 45). Рабочий-бондарь в Астрахани в кругу коллег говорил: «Пятилетку, говорят, выполняй, а жрать не дают, так если будет продолжаться, то мы к концу пятилетки все подожем» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 110, л. 80). В столовой бондарного завода ГРТ (госрыбтрест) в Астрахани рабочие возмущались: «Помирать не дают, и жить не дают. Денег нет, жрать нечего, а тут еще холода наступают, холодный и голодный так и сдохнешь» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 110, л. 255). На заводе им. III Интернационала (Астрахань) рабочий сказал: «У рабочего силы нет, и он падает. К чему нас ведут, и что думает наша власть? Так жить нельзя, сейчас настроение у рабочих натянутое – рабочий клеймит власть и всю революцию» (ГААО, ф. п. 20, оп. 1, д. 25, л. 137). Котельщик завода

им. К. Маркса (Астрахань) в крайне эмоциональной форме выразил свое отношение в связи с задержкой выплаты зарплаты: «Вешать надо таких правителей, благодаря которым нам приходится тащить последнюю рубашку» (ГААО, ф. п. 20, оп. 1, д. 25, л. 259).

Моральное негодование чаще всего направлено на систему или группу, которая поддерживает социальное неравенство. Оно значительно больше, чем гнев, связано с нравственной стороной вопроса о неравенстве и несправедливости и мотивирует коллективные действия против групп, ущемляющих права других (Агадулина, 2013, с. 45). Рабочий завода им. Ф. Энгельса (Астрахань) высказался на собрании: «Индустриализацию строят в СССР за счет шкур рабочих, партия обманывает рабочих» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 175, л. 254). На заводе «Красный Октябрь» (Сталинград) рабочий сказал: «Нам говорили, что при старом правительстве рабочих эксплуатировали капиталисты, не давая рабочему хорошо заработать. А сейчас нас тоже эксплуатируют, получается одна и та же рубаха, только вывернута наизнанку» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 61, л. 3). В столовой сетевязальной фабрики (Астрахань) работница Гончарова говорила в кругу рабочих: «Дожили, работаешь, а жрать нечего, чтоб им чертям провалиться со своей пятилеткой. Рабочие голодают, а сами жрут чего хотят, у них только для нас нет, а для себя есть» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 175, л. 256). В столовой консервного комбината (Астрахань) рабочий Тарасов спрашивал: «Как смотрит горсовет и горком партии на то, что рабочих превращают в голодную армию, рабочих ведут к голодному бедствию? Это все видит власть и партия, но мер не принимает» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 176, л. 3).

Презрение рассматривается в качестве предиктора ненормативных форм коллективных действий, так как данное чувство влечет за собой психологическое дистанцирование и отсутствие намерений примириться с противостоящей группой (Агадулина, 2013, с. 45). Рабочий сезонник в Астрахани критиковал: «...коммунисты забрали власть в свои руки, а управлять не могут. Почему при старом режиме хлеба хватало, а сейчас нет», подобные высказывания отмечены в Саратове, на «Саратовской мануфактуре» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 60, л. 18). На заводе им. Сталина (Астрахань) водолив в ходе подписки на заем высказался: «Нужно прямо сказать, что капиталисты – люди умные и грамотные, а коммунисты все раньше были бродяги-шарлатаны, а сейчас все в партии, и вы, товарищи, хотите, чтобы эти дураки построили социализм?» (ГААО, ф. п. 20, оп. 1, д. 25, л. 243). Плотник Кузьмин (Астрахань) в кругу рабочих полагал: «Коммунисты способны только грабить, и дельного от них ничего нет» (АИЦ УМВД АО, ф. 32, оп. 1, д. 135, л. 23). На заводе им. Сталина (Астрахань) водолив, обращаясь к коллегам, сказал: «Вот сейчас мы попали в рабство к б...м-коммунистам, которые поморили всех голодом» (ГААО, ф. п. 20, оп. 1, д. 25, л. 138, 243).

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что многие рабочие в конце 1920-х и особенно в первой половине 1930-х гг. были крайне недовольны своим уровнем жизни и сложившуюся социальную ситуацию воспринимали как несправедливую. Декларируемая властью привилегированность пролетариата и реальное положение дел диссонировали в рабочем сознании, что часто выражалось в критике проводимой политики. Постоянные задержки выплат заработной платы, кризисная ситуация в снабжении продовольствием, фактически – голодное существование рабочих, а также принудительные заемные кампании, крайне неудовлетворительные жилищные условия стали причинами протестного поведения.

При этом рабочие испытывали крайне негативные эмоции по отношению к руководству разных уровней, ассоциируя их с членами коммунистической партии, полагая, что именно последние реально находились в привилегированном положении и несли во многом ответственность за сложившийся социальный кризис.

В общем, этот предиктор в полной мере присутствовал в рабочем протестном пространстве и свидетельствовал о высокой готовности пролетариата к коллективным протестным действиям. Однако, как полагает Е. Р. Агадулина (2013), «восприятие ситуации как несправедливой и связанная с этим эмоциональная реакция не всегда приводит к коллективным действиям. Это связано с тем, что люди преимущественно готовы участвовать в коллективных действиях, если считают, что объединение усилий приведет их к достижению желаемой цели, что ставит вопрос о воспринимаемой эффективности группы» (с. 45), а социальная идентификация с группой рассматривается в большинстве психологических работ как основной предиктор готовности к протестному движению (Агадулина, Ловаков, 2013, с. 134). Поэтому перспективы дальнейшего исследования мы видим в анализе предикторов, связанных с социальной идентичностью и самоэффективностью группы, так как это в полной мере позволит изучить потенциал рабочего протеста.

Источники | References

1. Агадулина Е. Р. Коллективные действия: предикторы и модели // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 3.
2. Агадулина Е. Р., Ловаков А. В. Протестное поведение: индивидуальные и групповые факторы // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2. № 4.
3. Архив Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО).
4. Богданов С. В. Коллективные трудовые конфликты в СССР в 1930-1950-х гг.: причины возникновения, формы протекания, способы разрешения // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 1.

5. Борисова Л. В. Трудовые конфликты в Советской России (1918-1924 гг.). М.: Собрание, 2006.
6. Государственный архив Астраханской области (ГААО).
7. Дементьева И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4 (116).
8. Камардин И. Н. Рабочий протест в Поволжье в 1919-1920 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22 (165). Вып. 28.
9. Красильников С. А. От забастовок к «волынкам»: рабочие протесты в советской стране 1920-х годов // ЭКО. 2017. № 1.
10. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): сборник документов: в 10-ти т. М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2002-2013. Т. 1-9.
11. Солдатенков В. П. Политика в условиях тоталитаризма 1930-х годов // Общество и власть в истории России: сборник научных трудов. СПб.: Нестор, 1999.
12. Трудовые конфликты в Советской России 1918-1929 гг. / отв. ред. Ю. И. Кирьянов, В. Розенберг, А. Н. Сахаров. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
13. Чураков Д. О. Бунтующий пролетарий: рабочий протест в Советской России (1917-1930-е гг.). М.: Вече, 2007.
14. Шильникова И. В. Забастовки в советской промышленности в годы первой пятилетки (по материалам информационных обзоров и сводок ОГПУ) // Экономическая история. 2016. № 4.
15. Яров С. В. Горожанин как политик. Революция и военный коммунизм. 1917-1921 гг. СПб.: СПбГТУ, 1997.

Информация об авторах | Author information

Тюрин Алексей Олегович¹, к. ист. н., доц.

¹ Астраханский государственный университет

Tyurin Alexey Olegovich¹, PhD

¹ Astrakhan State University

¹ tualol1977@yahoo.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.09.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): протестное поведение; предикторы коллективных протестных действий; рабочий протест; воспринимаемая несправедливость; protest behaviour; predictors of protest activity; workers' protest; perceived injustice.